

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	6
Пролог.....	7
КНИГА ПЕРВАЯ. Смерть на прибрежном острове.....	38
КНИГА ВТОРАЯ. Пепел в камине.....	104
КНИГА ТРЕТЬЯ. Голоса из прошлого.....	254
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Под пологом тьмы.....	317
Эпилог.....	403

*Памяти моего мужа
Коннора Бэнтри Уайта
1920—1964*

ОТ АВТОРА

Великобритания — счастливый обладатель множества прибрежных островов, радующих глаз своей красотой и разнообразием. Однако близ берега Корнуолла среди них невозможно было бы отыскать остров Кум — место действия романа «Маяк». И сам остров, и злополучные события, описанные в романе, и все персонажи книги, живые и умершие, целиком и полностью вымышлены и существуют лишь в интереснейшем психологическом феномене, имя которому — воображение автора детективных романов.

Ф.Д. Джеймс

ПРОЛОГ

1

Коммандер Адам Дэлглиш давно уже привык к неотложным вызовам на незапланированные встречи с неожиданными людьми и в самое неудобное для него время. Однако причина у таких вызовов обычно была одна и та же: он мог с уверенностью сказать, что где-то обнаружено мертвое тело, требующее его — Дэлглиша — внимания. Разумеется, случались и другие срочные вызовы, другие встречи, иногда — на самом высшем уровне. Дэлглиш, как постоянный и ближайший помощник комиссара Скотланд-Ярда, должен был выполнять целый ряд функций, количество и значимость которых все возрастали, так что в конце концов стало практически невозможно определить круг его обязанностей и многим из его коллег пришлось оставить всякие попытки на этот счет. Но стоило ему сделать лишь первый шаг в кабинет Харкнесса — заместителя комиссара, — находящийся на седьмом этаже Скотланд-Ярда, как стало очевидно, что на этой встрече, созванной в десять пятьдесят пять утра, в субботу, 23 октября, речь пойдет именно об убийстве. И дело вовсе не в том, что лица, обращенные к нему, были напряжены и серьезны (провал в каком-нибудь из отделов мог вызвать еще большую тревогу), а, пожалуй, в том, что насильственная смерть всегда порождает какую-то странную неловкость, тревожное осознание того факта, что на свете существует нечто, не поддающееся контролю государственных чиновников.

Только три человека ждали Дэлглиша в этом кабинете, и он был удивлен, что увидел среди них Александра Конисто-

на из министерства иностранных дел и по делам Содружества. Ему нравился Конистон — это был один из тех немногих оригиналов, каких еще можно было изредка встретить в министерской среде, день ото дня становившейся все более конформистской и политизированной. Конистон славился своим умением разрешать кризисные ситуации. Отчасти это основывалось на его уверенности в том, что не бывает чрезвычайных происшествий, которые не подлежали бы объяснению посредством ссылки на прецедент или на ведомственные установления; если же такие ортодоксальные объяснения ничего не объясняли, Конистон выказывал оригинальную и опасную способность проявлять творческую инициативу, каковая в соответствии с чиновничьей логикой должна была бы неминуемо привести к беде, но никогда к ней не приводила. Лишь очень немногие из лабиринтов вестминстерского чиновничьего аппарата оставались Дэлглишу неизвестны, и он давно уже сделал для себя вывод, что двойственность характера Конистона унаследована им от предков. Целые поколения Конистонов были военными. Зарубежные поля сражений времен имперских устремлений Британии были удобрены телами бесчисленных, ушедших в небытие жертв прежних Конистонов, отлично умевших разрешать кризисные ситуации. Даже экстравагантный вид Александра Конистона говорил об этой двойственности. Он — единственный среди своих коллег — носил строгий темный костюм в тонкую полоску, соблюдая традицию государственных служащих тридцатых годов прошлого века, тогда как лицо его — широкоскулое, худое и веснушчатое — и шапка непослушных волос, более всего напоминавших солому, делали его похожим на фермера.

Он сидел рядом с Дэлглишем, напротив одного из широких окон кабинета. Первые десять минут этой встречи прошли удивительно немногословно, что было не вполне обычно. Конистон сидел, слегка наклонив стул назад, спокойно разглядывая панораму шпилей и башен, освещенных не по сезону яркими лучами утреннего солнца, грозящего вот-вот скрыться за облаками. В кабинете, кроме Дэлглиша и Конистона, были еще заместитель комиссара Харкнесс и розовощекий молодой человек из МИ-5, представленный старшим

коллегам как Колин Ривз. Из этих четверых Конистон, которого более всех касалось сегодняшнее дело, высказывался крайне редко, а Ривз, изо всех сил старавшийся запомнить то, о чем здесь шла речь, не прибегая к унижающей достоинство процедуре записывания за говорящими, вообще не произнес ни слова. Наконец Конистон собрался резюмировать сказанное.

— Убийство в данном случае — самое неприятное для нас событие; самоубийство тоже не менее неприятно при сложившихся обстоятельствах. Случайная смерть... Это мы, пожалуй, могли бы пережить. Поскольку есть жертва, огласки нам не избежать, независимо от того, какова причина смерти, но мы легко могли бы держать все под контролем, если только это не убийство. Проблема в том, что у нас не так уж много времени. Точная дата еще не определена, но премьер-министр хотел бы провести там сверхсекретную международную встречу в начале января. Удачное время. Парламент не заседает, ничего особенного после рождественских праздников обычно не происходит, никто и не ждет ничего особенного. Премьер-министр, по всей видимости, твердо решил провести запланированную встречу именно на острове Кум. Так что вы возьметесь за это дело, да, Адам? Прекрасно.

Прежде чем Дэлглиш успел ответить, вмешался Харкнесс:

— Уровень секретности, если встреча состоится... Выше просто не бывает.

«И даже если тебе известно, в чем я сильно сомневаюсь, — подумал Дэлглиш, — кто будет на этой сверхсекретной конференции и с какой целью, ты не намерен мне об этом сообщать». Секретность всегда основывается на принципе «знает тот, кому необходимо». Он мог, пожалуй, кое о чем догадаться, но особого любопытства не испытывал. Однако, с другой стороны, его ведь просили расследовать дело о насильственной смерти, и некоторые вещи ему было просто необходимо знать.

Прежде чем Колин Ривз успел осознать, что настал его черед высказаться, снова заговорил Конистон:

— Обо всем этом, естественно, позаботятся. Мы не ожидаем никаких сложностей. Мы уже сталкивались с похожей ситуацией несколько лет назад — еще до вас, Харкнесс, — когда один весьма известный политик решил, что ему следует отдохнуть от своего начальника охраны, и зарезервировал себе на две недели коттедж на Куме. Высокопоставленный гость смог вытерпеть всего два дня в покое и одиночестве острова, а затем осознал, что его жизнь совершенно бессмысленна без красного министерского чемоданчика. Я склонен полагать, что остров Кум и был предназначен для того, чтобы рождать у людей такие мысли, но гость этого не понял. Нет, я не думаю, что нам стоит беспокоить наших друзей с южного берега Темзы.

Ну что ж, так будет гораздо легче. Подключать службу безопасности — только напрашиваться на лишние проблемы. Дэлглиш считал, что после того, как — в ответ на публичные требования большей открытости — служба безопасности сбросила покров таинственности, она, подобно монархии, отчасти утратила ту полусвященную патину всемогущества, которая обычно окутывает тех, кто имеет дело с тайнами, доступными лишь немногим. Сегодня всем известно не только имя главы этой службы: его фотографии публикуются в прессе, а его предшественница даже написала автобиографическую книгу, где изобразила и само главное управление — эксцентричный, восточного вида, памятник модернизму, занимающий господствующее положение в своем районе на южном берегу Темзы и скорее привлекающий любопытные взгляды, чем их избегающий. Отказ от таинственности имел свои недостатки: на эту организацию стали смотреть как на обычное бюрократическое учреждение, укомплектованное обычными людьми, которым — как и всем нам — свойственно ошибаться и запутываться. Впрочем, Дэлглиш не ожидал никаких проблем со стороны службы безопасности. То, что МИ-5 здесь представлял чиновник среднего звена, позволяло догадываться, что единичная смерть на одном из прибрежных островов вовсе не являлась для них первоочередной заботой в данный момент.

— Я не могу заняться этим делом, не имея должной информации, — сказал он. — Вы не сообщили мне ничего, кроме того, кто погиб, где погиб и как — по всей видимости — погиб. Расскажите мне об острове. Где точно он находится?

Харкнесс был на этот раз в одном из своих самых неприятных настроений. Он едва мог скрыть дурное расположение духа, приняв важный вид и пускаясь в многословные объяснения. Большая карта на столе перед ними лежала чуть криво. Харкнесс уложил ее поаккуратнее, выровняв вдоль края стола, подтолкнул к Дэлглишу и ткнул в нее указательным пальцем:

— Вот он. Остров Кум. Близ берега Корнуолла, примерно в двадцати милях к юго-западу от острова Ланди и милях в двенадцати — это по довольно грубым подсчетам — от материка, в данном случае — от Пентворти. Ближайший большой город — Ньюки. — Харкнесс взглянул на Конистона. — Продолжайте теперь вы. Эту кашу все-таки не нам, а вам расхлебывать надо.

Конистон заговорил, обращаясь непосредственно к Дэлглишу:

— Придется потратить какое-то время на предысторию. Она поможет объяснить, что такое остров Кум, а если этого не знать, вы можете оказаться там в незавидном положении. Более четырех столетий этот остров принадлежал семейству Холкумов: они приобрели его в шестнадцатом веке, хотя, кажется, никто понятия не имеет, каким именно образом. Возможно, какой-то из Холкумов просто приплыл туда с горсткой вооруженных слуг, поднял там свой личный штандарт и завладел островом. Вряд ли у него нашлось много конкурентов. Право на владение было позднее подтверждено Генрихом Восьмым, когда удалось избавиться от средиземноморских пиратов, устроивших там перевалочный пункт, — они занимались работоторговлей у берегов Девона и Корнуолла. После этого Кум был более или менее заброшен, вплоть до восемнадцатого века, когда Холкумы снова им заинтересовались и стали наезжать туда — понаблюдать жизнь птиц или устроить пикник. Потом некий Джералд Холкум, родившийся в конце девятнадцатого века, решил использовать остров

для семейных каникул. Он восстановил на острове коттеджи и в 1912 году построил там дом и дополнительные помещения для obsługi. Семья отправлялась туда каждое лето — это были головокружительные времена перед Первой мировой войной. Война все изменила. Два старших сына погибли: один — во Франции, другой — на Галлиполи. Холкумы никогда не умели делать деньги на войнах, они умели там погибать. Так что остался один, самый младший сын — Генри: у него была чахотка и к военной службе он оказался непригоден. По-видимому, после гибели обоих братьев он был преисполнен чувства собственной абсолютной никчемности и не испытывал особого желания воспользоваться наследством. Деньги Холкумам поступали не от земельных владений, а от разумного помещения капитала, так что к концу двадцатых годов их ручеек более или менее иссяк. И в 1930 году с тем, что у него осталось, Генри Холкум основал благотворительный фонд, нашел нескольких богатых сторонников и передал остров вместе с недвижимостью этому фонду. Идея его заключалась в том, чтобы остров стал местом отдыха и уединения для людей, чей пост требовал большой ответственности, для тех, кто хотел укрыться от трудностей своей профессиональной жизни.

Тут он впервые за все время склонился и, открыв портфель, достал из него папку с грифом «Секретно». Перелистав документы, он вынул из папки одну страничку.

— Вот здесь у меня имеется точная формулировка. Она дает совершенно ясное представление о намерениях Генри Холкума. «Для мужей, исполняющих опасное, трудное и требующее большой ответственности дело служения Короне и своей стране, будь то в вооруженных силах, в политике, науке, промышленности или в искусстве; для тех, кому может потребоваться время для восстановления сил в тишине, покое и уединении». Как мило и как типично для того времени, не правда ли? И разумеется, ни малейшего упоминания о женщинах. Тридцатые годы, не следует забывать об этом! Тем не менее принято считать, что слово «мужи» все же включает в себя и женщин. Они там, на острове, принимают одновременно не более пяти человек, которых расселяют по своему

выбору либо в главном доме, либо в каком-нибудь из каменных коттеджей. То, что предлагает гостям остров Кум, — это главным образом покой и безопасность. В последние несколько десятилетий безопасность, по всей видимости, приобрела наибольшее значение. Те, кому необходимо время для размышлений, могут отправляться туда без охраны, в полной уверенности, что там им ничто не угрожает и никто их не беспокоит. На острове имеется посадочная площадка для вертолетов, которые доставляют гостей, и небольшая пристань — единственное место, где можно высадиться на берег с моря. Случайные визитеры на остров не допускаются, запрещено даже пользоваться мобильными телефонами... Впрочем, туда все равно сигнал не дошел бы. Они там себя не афишируют, всячески стараются держаться в тени. Люди едут к ним обычно по личной рекомендации кого-либо из основателей фонда, или постоянного клиента, или кого-то, кто там уже побывал. Так что вы понимаете, почему Кум так привлекателен для премьер-министра.

— А чем его Чекерс* не устраивает? Что там плохого? — выпалил вдруг Ривз.

Каждый из троих обратил на него светлый заинтересованный взор человека взрослого, стремящегося приободрить не по летам развитого ребенка.

— Да ничего, — ответил Конистон. — Очень приятный дом, как я себе представляю, со всеми возможными удобствами. Только гостей, приглашенных в Чекерс, обычно сразу замечают. Не в этом ли главная цель их появления там?

— А как на Даунинг-стрит** узнали про остров? — спросил Дэлглиш.

Конистон аккуратно вложил страничку обратно в папку.

— От одного из друзей премьер-министра, которого совсем недавно возвели в дворянское достоинство. Он съездил на остров отдохнуть от опасного, трудного и требующего большой ответственности дела по созданию еще одной сети

---

* Чекерс (Чекерс-Корт) — летняя резиденция премьер-министра Великобритании.

** Даунинг-стрит, 10 — лондонская резиденция премьер-министра Великобритании.